

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ЛЮБОВЬ ВСЛЕПУЮ

ВЕРОНИКА МЕЛАН

Вероника Мелан

Любовь вслепую

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Недовольная жизнью в Третьем Районе, где царят бедность и недостаток солнечного света, Кристина Мэйер пытается обрести лучшую судьбу. Она промышляет воровством, и однажды ей в руки попадает старинный артефакт, оставшийся от прежней, более технологически продвинутой цивилизации, – нео-ключ. Кристина полагает, что, продав его за большие деньги, она сделает первый шаг на пути к мечте, но не знает о том, что некий мужчина, которого в барах называют «Слепой Пью» и у которого она с легкостью украла ценный предмет, двинется за ней следом. Как не подозревает и о том, что случайно активирует артефакт и что «Пью», слепоту которого она решит использовать себе на пользу, на самом деле окажется генералом Эрдиганом, задействовавшим ее, воровку, в собственных хитроумных планах.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	17
Глава 2	38
Глава 3	56
Глава 4	77
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Вероника Мелан Любовь вслепую

(Besomorph feat. RIELL – Nightmare)

Пролог

Меня зовут Кристина Мэйер, мне двадцать четыре года, и на моем плече Лейка.

Лейка есть на плече у каждого, и на самом деле это, конечно, не лейка, а Лейнхарта – древняя руна, отражающая наполненность или пустоту души. «Заряд» в моей почти никогда не поднимался выше двадцати двух процентов, и, значит, по мнению социума, я не могла привнести в жизнь общества нечто прекрасное. Не была способна сотворить что-то вдохновенное и значимое, наполнить будни творческим смыслом, стать выдающейся. И, конечно, с таким зарядом я не могла получить нормальную работу, а также переехать в Районы Один и Два – туда, где нормально светило солнце, где день был равен ночи. Мой удел – Район Три – темный, бедный и грязный. Что ж, я не жаловалась, я научилась выживать.

Коротко обо мне: воровка (хорошая, почти профессиональная). Внешняя привлекательность средняя, мышцы в тонусе – бегать приходится часто. Ум работает быстро, характер... Характер так себе. Эгоистична, резковата, саркастична. Бывает, меня называют стервой или хуже – я с этими словами не спорю. Пусть так. Как ни странно, я довольна собственной жизнью, внешностью и работой. Только имя подкачало: «Крисом» мне быть не нравится, и потому меня

называют Мэй.

– И этим вечером, Мэй, ты станешь богата... – твердила я себе, шагая к бару «Тритон». Баром владел мой друг детства Фил Орин – половину дел он вел честно, вторую половину – нет; как и все здесь, скупал краденое, на деньги для меня не скупился. И вещь, которую я несла сегодня, Орину понравится наверняка. Он отсыплет мне за неё тысяч пятьдесят. Шестьдесят, если повезет. На эти деньги я смогу уехать из вечно темного Дэйтона навсегда. Куда-нибудь к границе Второго Района – туда, где уже есть восходы и закаты, которыми можно любоваться. Здесь их не бывает, здесь солнце ненадолго осветляет мутное небо, а после растворяется без красивых всполохов на горизонте.

Но я помню, что это – закаты и рассветы. Когда-то мои родители жили во Втором, пока не сократили на сталелитейном отца из-за травмы руки. После испортилось все: зарплата и жизнь. Пришлось продать дом, переехать туда, где ночь длится восемнадцать часов кряду, забыть об излишествах.

Если Фил заплатит, как положено, если он не на мели, все изменится к лучшему.

Уже скоро.

«Тритон» пустовал – к лучшему.

Добротная деревянная мебель, проигрыватель у стены; почти не накурено. Сам Фил – молодой еще, но уже обогатившийся пузиком мужчина с длинными темными волоса-

ми – стоял за стойкой. Я помнила его с детства – такого же кудрявого, с россыпью родинок на подбородке и шее. Ничего не изменилось с тех времен, разве что щеки Орина набухли да взгляд темных глаз сделался тревожнее.

– Мэй! – мне приветственно махнули рукой.

Он был рад меня видеть. Наверное, он один. С родителями я общалась нечасто, хотя они были живы и относительно здоровы. Просто мы были разными – я и они. Мать до сих пор впихивала на двух работах – ей не до меня, отец сломался после переезда. Нет, не пил, но и говорить с ним стало не о чем – лишь слушать жалобы на пустую Лейку, общество и правительство. Я съехала на отдельную квартиру в шестнадцать, как только удачно толкнула первое награбленное бахла.

– С чем пожаловала сегодня?

– Ты не поверишь... Налей мне...

– Пива?

– Нет. Сегодня... розового игристого. Самого дорогого.

Я пила его только раз, на чужом празднике: кто-то играл в «Тритоне» свадьбу – мне налили за компанию. С тех пор я мечтала о том, как однажды разбогатею, как смогу пить розовое хотя бы раз в неделю. Боже, я буду смаковать его по глотку, буду ощущать на языке и нёбе каждый лопающийся щекочущий пузырек.

Орин положил руки на стойку. Все-таки «мясистый» он стал, возраст ему не к лицу, а ведь когда-то мы гоняли мяч

в одном дворе, и я даже чуть-чуть была в него влюблена. Недолго, но все-таки.

– М-э-э-эй? – он знал меня как облупленную. – Сначала покажи, что у тебя.

У меня все классно. Я достала из-под подола тряпку, развернула ее аккуратно и еще раз взглянула на то, что лежало внутри, – на нео-ключ.

– Глазам не верю...

– Да. Сколько ты дашь мне за него?

Хорошо, что в баре пусто. Фил побледнел даже при свете ламп.

– Где ты его взяла?

Нео-ключи – редкость. Они модифицируют пространство, если знать, как ими пользоваться. Знают немногие. И прекрасно, что пару недель назад ко мне в руки попала карта «артефактов», указывающая расположение ценных предметов. Найденный ключ станет первым звеном из цепи удачных сделок, ведущих к большим деньгам. А там и Лейка наполнится, и я познаю, что такое счастье.

В прошлом наш мир пережил апокалипсис. Это случилось давно, и мы не помнили предков. Но поговаривали, что мир разделился на Районы сразу после, и Лейки тоже возникли как следствие пережитого. Зачем? Зачем вообще кому-то видеть, насколько наполнена или пуста твоя душа? Прimitивный индикатор. Многие пытались от него избавиться, срезать пласт кожи – все заканчивалось плачевно. Повре-

жденная Лейка – почти мгновенная смерть. Мы откатились в прошлое, натываясь изредка на остатки прежней развитой цивилизации – такие вот ключи, например. Предмет из металла, имеющий наконечник и борозды. Набалдашник – светящийся пласт данных, некие символы, заключенные в прозрачную оболочку. Смотреть на них красиво, но боязно.

– Берешь? – спросила я с гордостью. Кто еще принесет в «Тритон» ключ? Не просто ключ – нео-ключ.

– Украла? – Орин даже дотрагиваться до него боялся. Только вышел из-за стойки, пересек проход и запер входную дверь. «Заперто» на время сделки.

– Конечно.

– У кого?

– У какого-то слепого мужика.

Фил замер, не дойдя до барных стульев.

– У...

– Да не о чем беспокоиться. Все чисто.

– ...Слепого...

– Сколько ты мне дашь за него? Пятьдесят штук? Хотелось бы шестьдесят, конечно...

– ...Пью?

Я умолкла, пытаясь сообразить. Лампы над стойкой мигали: генератор на заднем дворе работал с перебоями.

– Кто такой Слепой Пью?

Теперь мы с другом детства смотрели друг на друга напряженно.

– Мужик лет сорока. На вид слеп. Симпатичен – бабы на него вешаются...

– Ну да, похож. Я не оставляла следов.

– Не возьму, – отрезал Орин непривычно жестко. Таким категоричным я видела его впервые.

– Почему? Давай хотя бы за тридцать!

– Он придет за тобой. А следом – за мной.

– Кто? Этот Пью? Да он беспомощнее старого пса Рорки...

– Он не беспомощен. Это... видимость. – Фил почему-то посмотрел на дверь, будто уже ожидал непрошенных гостей. Понизил голос. – Слепой Пью, несмотря на внешнюю немощность, очень опасный враг. И, если ключ ты взяла у него, он...

– Он – что? – взвилась я возмущенно. – Давай за двадцать пять!

Совсем уже мизерная цена. И с розовым игристым придется повременить.

– Нет, Мэй. – Никогда я не видела Орину таким упертым и расстроенным одновременно. – Ты – одиночка. А у меня теперь семья, мне есть что терять. Продай ключ кому-нибудь другому. А еще лучше – верни его, пока не поздно.

– Вернуть?

В старые добрые мы влипали с Филом во множество скользких и неприятных ситуаций и всегда поддерживали друг друга. Я впервые ощущала, что сейчас он стоит по об-

ратную сторону баррикады.

– Да. Это самое лучшее, что ты можешь сделать. Найди Слепого Пью, извинись, скажи, что взяла вещь по ошибке, что все осознала. И уходи. Ты молода, ты найдешь еще, что продать.

– Я всю жизнь искала радость...

– Ты найдешь свою радость, Мэй. Найдешь.

Он положил свою теплую ладонь на мою, сляясь поддерживать, но во мне ходила ходуном волна из возмущения.

– Что он может сделать мне? Что? Он был пьян. И он слеп, он ничего не видит...

– Он видит. Не глазами. Но чем-то еще. Затылком, спиной... Руками...

Мне вдруг вспомнились эти самые руки. И вчера, когда они коснулись моей кожи, мне показалось, что они видят мою душу. Пью, или как бы там ни звали этого мужика, настоящего имени которого Фил не знал, умел видеть пальцами. В этом Орин был прав. Накануне я едва не поддавалась наваждению, кое-как сумела взять себя в руки, хотя желала лишь одного – чтобы слепой человек коснулся меня еще раз.

Пришлось тряхнуть головой, сбросить воспоминания.

– Значит, ты не берешь? – я была зла. Кажется, я впервые обиделась на Орина по-настоящему.

– Нет, Крис, прости...

«Крис» – его вечная попытка извиниться, когда виноват.

Я даже не могла сказать слова ему поперек, Орин был мне

дорог. И все верно: у него семья. Пришлось проглотить негатив.

К выходу я зашагала молча: ни к чему продолжать диалог. Ключ завернула обратно в тряпку, засунула ее себе под одежду. В наше время ни в сумках, ни в рюкзаках ничего носить нельзя.

– Мэй...

Я не хотела его слушать. Но не посылать же... Просто вперед, просто наружу. Я продам находку кому-то другому, на нео-ключ всегда найдется покупатель.

– ...не зарывай свой талант в землю, делай деньги и радость на нем.

Я лишь фыркнула, ощущая, как сжал горло ядовитый саркастичный ответ.

На своем таланте может делать деньги кто угодно. Но не я. И я давно зарыла его в землю.

Щеколду я открыла с лязгом, входной дверью хлопнула.

(Ryan Stewart – Reflections)

Дома я опять смотрела на фото, прикрепленное к холодильнику. Старое фото. Я всегда подолгу на него смотрела: бабушка и дедушка на лавке у старого домика. Окраина Второго Района. Смеющаяся пара стариков, удивительной кра-

соты небо на горизонте. Этот снимок навевал на меня умиротворение, возвращал туда, оттуда я ушла так давно, – обратно в безмятежность. Где утро тихое, где жужжат пчелы над акацией, где рассветы пахнут пирожками. Океан зелени вокруг, поля, холмы – моя душа осталась там. И иногда казалось, что часть Мэй до сих пор живет в садах, – счастливая часть. Вторая пребывает здесь, в темном Дэйтоне, в параллельной жизни. Суетится, переживает, работает не покладая рук, чтобы однажды воссоединиться со своей путеводной звездой, ведущей в Гринхилл. Когда-нибудь я позволю себе дом в тихой деревне, буду шагать по тем же дорожкам, которые топтали мои босые детские ступни. И пусть стариков уже нет в живых, пусть судьба совершила виток – я сумею вернуть ей направление к счастью. Однажды.

Ключ станет первым шагом.

Хотелось бы мне им воспользоваться, только знаний не хватало. Библиотеки с книгами, раскрывающими загадки, доступны только Первому Району – мне туда не попасть. Да и не хотелось. Кто-то верил, что в Первом обитают исключительно удачливые люди, творцы, одухотворенные личности, кто-то думал, что путь туда вымощен большими деньгами. Кто-то рвался изнутри и работал на износ, лишь бы приблизить себя к избранным, – я всего лишь мечтала о доме. И о ясном, полном нежных оттенков, небе. И о зелени, которая практически не росла там, где темно.

Людям, обреченным на существование во мгле, прихо-

дится самым искать собственные маленькие радости, находить держащие на плаву привычки – моей была музыка. Она снова лилась из радиоприемника на подоконнике. Любимая мягкая волна – смесь босановы и лаунджа. Фил смеялся, что я, должно быть, «голубой крови», раз предпочитаю это року, блюзу и заунывному рэпу.

Фил... Иногда из-за круглых глаз я называла его Филином – он не обижался.

«Не зарывай талант в землю» – напутствовал он меня сегодня, и я хмыкнула опять.

Талант...

Таланты в нашем мире раздавались всем без исключения, и каждый находил их еще в детстве. Кто-то чувствовал технику, кто-то – растения, кто-то – чужие эмоции. Мой отец, например, был богом токарных станков: он сливался с ними, творил настоящие чудеса. Пока не повредил пальцы. Это случилось, потому что тот, кто предвидел чужие травмы, забыл в этот день выйти на смену, перепил накануне. А ведь должен был предупредить – тоже зарыл талант в землю? Его даже не уволили. Моя мать когда-то рисовала волшебные акварели. Маленькой я помнила ее выставки и открытые рты посетителей, предлагающие за любой набросок хорошую цену. Сейчас она не рисует: село зрение, не хватает денег осветить студию, нет хороших красок. Днем она чистит чужие квартиры за копейки, по ночам дежурит младшей медсестрой в больнице. Спит тогда, когда позволяет смена. Если

позволяет. Особенно ценятся в Третьем Районе те, кто умеет растить цветы и овощи без света – одаренные земледельцы. Те и в Дэйтоне живут припеваючи, их забирают теплицы и фермы, им назначают достойные зарплаты. Оно и понятно – всем хочется фруктов, овощей. Цветы мало кто может себе позволить, у меня нет ни одного, потому что освещение, специальные лампы. Ничто не желает цвести в ночи. Только мы, воры.

А мой талант – чужая боль. Я могу ее изымать из человека, забирать стрессы. Только не хочу. Каждый чужой страх на время становится моим собственным, и мне приходится его проживать, справляться с ним, растворять. Еще год назад люди шли ко мне один за другим, и я помогала. После сказала: «Хватит! Почему я должна выносить за вас ваши помои, ваши отходы? Ведь это дело каждого – драить свои стойла». Конечно, за «чистку нужников» мне неплохо платили, несли последнее, вот только радости это занятие мне не прибавляло. А чужой боли – вагон.

– Нет, Фил, ты не прав, – я в очередной раз покачала головой. – Я зарыла свой талант в землю намеренно и разрывать его уже не хочу.

Заварив чай, я долго смотрела на лежащий на тряпке ключ – в чем его волшебство? Что именно он изменяет, как? Слишком большой наконечник для любой типичной скважины. Для него нужна особенная? И почему Орин был так уверен в том, что Слепой Пью пожалует за мной? Я хорошо

вижу, слышу и отлично бегаю. К тому же, пусть для начала попробует меня найти.

Глава 1

(Urban Love, Ivette Moraes – Roads)

Днем ранее

Завсегдатаи полутемных прокуренных баров, работающих круглосуточно, искали две вещи – выпивку и любовь. Первое временно притупляло чувство одиночества, второе наполняло Лейку. Если повезет. Всякий раз, вспоминая свою последнюю «любовь» – парня по имени Дени, я сокрушенно качала головой. Да, поначалу моя Лейка наполнилась на одиннадцать процентов, а после нашего разрыва рухнула на четырнадцать. К черту отношения. Если очередная влюбленность отнимет у меня еще десять, то внутри станет совсем пусто. А при мигающей «единице» за тобой придут чистильщики, уведут для того, чтобы ты недох на улице.

В задницу любовь.

Есть, конечно, те, кому везет. Плохеньким примером являлись мои же родители – они держались друг за друга. Поломанные и измочаленные, все же приносили некое умиротворение друг другу, хрупкую и неяркую радость. Лучшим примером являлись мои же дед с бабкой, хотя на их долю, как мне казалось, выпало меньше испытаний. В какой-то мере повезло и Филу: его жена забеременела два месяца назад, и Лейка Орина прыгнула на невиданный для меня сорок

один процент. Я радовалась за друга. С грустинкой по поводу себя, с белой завистью, украдкой вздыхая, но совершенно искренне.

И сегодня в этом баре я искала не выпивку. И не любовь. Сегодня я собиралась закадрить одного неуклюжего слепого забулдыгу с целью посещения позже его жилища.

Любой вор, если он желает жить долго, готовится к заданию кропотливо, подходит к делу с умом. К моменту посещения «Двух Лун» я уже знала, где живет «объект», дважды посетила его дом, разузнала про пожарные выходы, люк, ведущий на крышу, отсутствие замка на двери подъезда. Обошла район, присмотрелась к местам быстрого отхода в случае необходимости. А вот «забулдыгу» сегодня видела воочию впервые, понимала, что в общении с ним придется полагаться на интуицию. Спешка – вот, что неизменно ведет к провалу. И потому я уже трижды напомнила себе: «Мэй, если ты не попадешь к нему в квартиру сегодня, то сделаешь это завтра или через несколько дней». Удача любит тех, кто рискует, но рискует продуманно.

Он сидел за барной стойкой, и он был пьян. Мужчина на вид около сорока, хорошо сложенный. Не слишком высокий, но выше меня, с русыми волосами, в добротной одежде. И это в какой-то мере удивило – его одежда. Она не была пыльной, мятой, не выглядела поношенной или старой. Скорее, привычной ему, удобной. А еще удивили мышцы. Разве

слепые люди не худы и жилисты? Этот был в какой-то мере жилистым, но точно не худым. Его фигура казалась фигурой бывшего спортсмена или же военного, человека, так или иначе привыкшего к сильным и частым физическим нагрузкам, – осознание этого факта тренькнуло в моей голове первым тревожным звоночком.

«Ладно, возможно, это как-то связано с его прошлым. Но сейчас он слеп. Безопасен».

Я приблизилась.

«Объект» о чем-то переговаривался с барменом, шутил. Иногда он смеялся, и я отчетливо улавливала пьяную небрежность в движениях, неаккуратную координацию.

«И он надрался».

Мне на руку.

«Будет просто», – заверила я себя, настраиваясь на легкую победу. Зашагала к барной стойке, заняла соседний со слепым стул.

– Мне один «Вельвет», – махнула бармену. Тот кивнул.

«Вельвет» – дорогой коктейль. Пусть мой сосед думает, что я пришла сюда клеить мужиков, потягивая сок манго, смешанный с крепким джином и льдом. Пока готовился напиток, я повернулась, намереваясь разглядеть мужчину вблизи. И разглядела. Хорошие мужские жилистые руки, стакан скотча, зажатый в пальцах, а после идеальный профиль. У слепого было красивое лицо. Из тех, при взгля-

де на которое «залипаешь», потому что проступает в нем через красоту невидимая агрессия, которую можно уловить шестым чувством и женскими сенсорами. Уловить ее через залегшие у рта складки, через привыкшие хмуриться брови, жесткую линию челюсти и губ... Профиль меня сразил. Ощутилась даже некоторая несправедливость мира: мужчина с таким лицом ни в коем случае не должен быть слеп. Это нечестно. А когда сосед повернулся, когда вздрогнули, ощутив мой запах, его ноздри, мое сознание временно склеилось.

У него были светлые серые глаза. Совсем чуть-чуть раскосые – в какой-то момент можно и не заметить, – очень насмешливые. И глубокие. Казалось, он не слеп, он просто конкретно в этот самый момент не желает прямо на тебя смотреть. Что он смешлив и расслаблен, что он шутник и балагур. А еще пронзило чувство, что под этой личиной любителя значных мест скрывается кто-то другой. Оставшийся в другой жизни и, тем не менее, живущий под кожей, под маской. Ощущение «двоичности» на пару секунд выбило меня из колеи – забылся остальной мир, даже временно стих гул «Двух Лун».

– О, у меня сегодня хорошая компания! – слепой задорно улыбнулся. И этот его взгляд мимо, совсем чуть-чуть мимо, лишь добавил некоего шарма обладателю улыбки. И усилил ощущение раздвоенности. Слепой носил в себе много боли – это я чувствовала каждой своей клеткой (собственно, я лю-

бого могла почувствовать при желании), – а также он многое скрывал под душевными заслонами. Мне почему-то чрезвычайно сильно захотелось увидеть его Лейку.

– Вам виднее, – отозвалась я насмешливо. Играть так играть, будем задавать друг другу веселый тон.

И вновь дрогнули его ноздри – он чувствовал мой запах. Он его вдыхал и как будто анализировал. Но ведь невозможно, думала я, вычленить его из этой мешанины табачного дыма, паров алкоголя и смрада от пота человеческих тел. А если добавить сюда еще множество видов дезодорантов и духов... Но мой сосед, я была в этом уверена, вдыхал именно мой запах.

– Мне попалась красавица.

У него была странно-манящая улыбка.

– Вы не можете этого знать, вы не смотрите на меня прямо.

Наверное, это было грубо, но я всегда оставалась собой.

– Не смотрю прямо, потому что я слеп. Но чтобы ощутить красоту, глаза не нужны.

Я лишь хмыкнула. Забавный он. Как примитивно пытается клеить незнакомку, и ведь, наверное, это почти всегда работает. При его-то внешности. Свою роль играла еще и некая теплота в его глазах.

«Не в глазах, – удивилась я, – в душе... Теплота исходит из его души».

Я не считала себя особенно красивой. Обычной, скорее. Среднего роста, с длинными темными волосами, зеленова-

тыми глазами, правильными чертами лица. Я была бы красивой, если бы не едва заметное родимое пятно, пересекающее мой висок, касающееся краем щеки. Конечно, его всегда можно было замазать тональным кремом, но ведь мне, как и любой девчонке, хотелось, чтобы меня любили и принимали такой, какая я есть. Если однажды – до или после свадьбы – жених все равно увидит тебя умытой, так для чего скрываться? Это пятно уже в детстве пригасило мой восторг от самой себя, хотя и чувство ущербности я гнала прочь. У всех есть недостатки – мой не самый худший. Еще на моей переносице несколько веснушек – подарок от солнца в детстве. Того солнца, настоящего... Мысль о недостижимом пока Гринхилле вогнала меня в привычный цинизм.

– Это работает со всеми?

Передо мной поставили коктейль. Бармен пожатием плеч извинился – мол, манго не было, добавил вишневый сок. Что ж, пусть мой «Вельвет» сегодня будет темно-бордовым.

– Можно мне быть наглым? Я коснусь вашей руки?

Я не успела даже ответить – сосед положил свою ладонь на мою.

И я провалилась. Он всего лишь согрел мои пальцы теплом своих и чуть погладил, а я отчего-то выдохнула так, будто по самой сокровенной части души провели нежным пером.

– Вы чувствительная...

Черт... Я пообещала себе более не выдавать себя ни вдо-

хами, ни выдохами.

– Обычная.

– Нет. Можно?

И опять, не дождавшись моего согласия, он развернул меня на стуле лицом к себе, а после коснулся щеки, провел кончиками пальцев по коже. Осторожно, очень аккуратно, но мне вновь показалось, что меня просканировали на предмет чувствительности. Я честно держалась – шумно не выдыхать! Не еще раз. А сосед обнаглел вконец. Пользуясь моим замешательством и странным свернувшимся в душе при его прикосновениях чувством, обрисовал подушечкой большого пальца на моей щеке круг, а после коснулся губ. Погладил их, провел от уголка до середины. И держаться стало сложно – он что-то делал со мной. Эти прикосновения что-то делали, они казались магическими. Они отделяли меня от мира бара и его посетителей невидимым коконом, они погружали нас в отдельную сферу, куда не проникали звуки извне. Пришлось отстраниться. Я сюда не за тем пришла, чтобы душой разворачиваться, как кошка на солнечных лучах.

– Посмотрели?

Наверное, опять прозвучало грубовато.

Улыбка на его дьявольских губах коснулась лишь одного края рта.

– Я знал...

– Что я красива? Сейчас вы это скажете?

Я никогда не велась на пикап. Но с ним почему-то хо-

телось. Хотелось где-то очень глубоко внутри – «соберись, Мэй, ...раскисла...» Пришлось напомнить себе, зачем я тут. Про снотворное в моем кармане, про ключ в чужой квартире.

– Купить вам выпить? – встrepенулась я, но, как оказалось, поздно.

Мужчина на стуле развернулся спиной к барной стойке и попытался встать. Неуклюже, правда, – пошатнулся, чуть не упал, вовремя схватился за стойку.

– Мне... на сегодня... хватит...

Он веселился. Он играл. Он был азартен при своей слепоте – это стало для меня вторым тревожным звоночком и в то же время прилепило всеми ногами к карте. К его карте, на которой он играл.

Какое-то время сосед смотрел сквозь шумную толпу, а после спросил:

– Вы ведь не оставите меня одного? Вы ведь проводите меня до дома?

Я почти ошалела от подобной наглости.

– Вас часто кто-то провожает? Каждый вечер?

При всей моей симпатии к этому субъекту, «ебНонов» я не любила. Бабников, ловеласов и всех, кто сует свой член в каждую промежность.

– Нет, чаще всего я сам...

В его тоне промелькнула грусть. И еще боль – я ее уловила.

– Просто самому... сложно... Пока доберешься до выхо-

да... много синяков.

Он не врал. Даже если бы во мне не было особенной чувствительности к чужим эмоциям, я бы это поняла. Эти синяки действительно были на его теле, когда он, будучи пьяным, сбивал углы.

– Пока найдешь такси...

– Почему у вас нет трости?

– Своим отсутствием она спасает остатки моей гордости.

Все же у него дьявольская улыбка. И странная незащищенность. Сводящий с ума своим контрастом коктейль. Сильный мужчина, неспособный дойти до выхода, вынужденный ощупывать стены в поисках двери...

– Хорошо, я провожу вас, – я качнула головой, удивляясь очевидной удаче и смеси неочевидных чувств – в конце концов, туда мне и нужно, – но спать с вами не буду. Не люблю тех, кто...

– ...трахает всех подряд?

Ему следовало обидеться, наверное. Но он так задорно и пьяно рассмеялся, так искренне, что мне стало стыдно.

– Если бы вы знали, как давно я в последний раз был с женщиной.

– Вы привлекательны...

«Несмотря на слепоту».

– И что?

– Вы не остаетесь без компании на вечер, я уверена.

– Чтобы я остался на ночь с женщиной, – кажется, к на-

шему разговору с любопытством прислушивался даже бармен, – эта женщина должна понравиться моим ноздрям. А еще моим рукам.

Мне было очень сложно удержаться от шумного вдоха. Очень.

Серые насмешливые глаза смотрели на меня. Сквозь меня. И, черт меня дери, мне хотелось его не только проводить, но и остаться. Впервые в жизни остаться с мужчиной за последние несколько лет – Дени не в счет. Чтобы человек, чья походка была нетверда от выпитого алкоголя, коснулся подушечками пальцев моей щеки и моих губ еще раз.

(Power-Haus, Christian Reindl – Home)

Дейтон красив ночью. Залит огнями фонарей, светом фар, зажженными окнами домов. Кажется, в предрассветных сумерках усталый гул на дорогах стихнет – и забрезжит на горизонте рассвет.

Но этого не случится. Лишь посветлеет к обеду сумрачное небо, чтобы через несколько часов, будто больная старуха, угаснуть, быстро утомиться от нагрузки. А ночь – время иллюзии бодрости, время открытых баров, агрессивных стычек на улицах, сумеречных дел.

Мы сидели на заднем сиденье; мой сосед сам назвал ад-

рес и теперь держал мою руку в своей. Держал так привычно, будто делал это всегда, день за днем. И она лежала там смиренно, как жемчужина в раковине, лишь разливалось по телу непривычное тепло.

– Положи мне голову на плечо.

– Что?

Он попросил негромко, но я услышала.

Я смотрела на слепого, он смотрел прямо перед собой, куда-то поверх плеча водителя.

– Сделай это, – все та же мягкая полуулыбка на губах. – У меня мало радостей, не лишай меня и этой малости.

– Ты всех...

«...об этом просишь?»

– Не всех.

Он читал мысли?

И вновь мелькнувшая в его глазах печаль – такая настоящая, что мне вдруг подумалось: моя голова на его плече – какая малость. И я сделала это. Аккуратно прижала свое ухо к чужой куртке, поворочалась, заняла максимально удобное для себя положение. А в процессе вдохнула запах его кожи и парфюма. Зря, очень зря. Есть такие запахи, которые женщинам противопоказаны, потому как они проникают в запретные зоны в обход сигнализации. Слепой пах именно так. Совершенно не слепым, зрелым, сильным, знающим, чего хочет, мужчиной. Мою руку он теперь положил между обеими своими ладонями, чем согрел мои пальцы и сердце окон-

чательно. Я поймала себя на мысли, что именно сейчас, прижавшись к незнакомцу, я чувствую себя дома. Мы. Я и он – отдельно от мира, и почему-то я дома. Захотелось вдруг, чтобы эта ночная дорога удлинилась километров на двести. В какой-то момент я поверну свое лицо к его, он повернет свое, и наши губы окажутся в миллиметре от соприкосновения – это будет самый красивый момент в моей жизни...

Чтобы выдернуть себя из странного, сказочного состояния свалившейся рядом с ним неги, мне пришлось изрядно напрячься. И я позволила себе разделиться: одна моя часть протрезвела, сделалась, как и прежде, холодной, рациональной. Второй я позволила продолжать быть забывшейся девочкой, впавшей в мечты.

Наверное, хорошо, что дорога кончилась быстро, ибо очень хотелось слиться обратно в одно. Присоединиться всецело к той своей части, желающей просто дышать моментом счастья независимо от мысли о том, как долго он продлится.

«Очень странно этот слепой действует на мое сознание» – третий тревожный звоночек за вечер. Вот только сложить эту трель из предупреждающих сигналов в логическую цепочку пока не получалось. И пока я силилась это сделать, такси затормозило в знакомом уже для меня районе, перед пятиэтажным домом. Тут было мало фонарей; двор спал, не разбуженный движением машин, из множества окон горело лишь три. Небогатый район, здесь берегли энергию.

Я хотела отчалить обратно на той же машине, обдумать ситуацию, потому как интуиция настойчиво твердила о том, что что-то идет не так. Когда удача сама подталкивает тебя к раскрытым дверям, когда говорит: «Заходи, бери, все уже твое...», – нехотя задумаешься о подвохе. И это самое чувство подвоха, несмотря на проснувшийся азарт охотника, подобравшегося вплотную к добыче, перевешивало желание действовать согласно плану.

«Лучше уехать».

Но меня потянули за руку наружу.

И попросили:

– Останься.

Так вышло, что таксист спешил, он не стал ждать, пока мы разберемся. И теперь я стояла у дверей чужого подъезда, возмущенная тем, что опять позволила себя уговорить. Прирожденный манипулятор – вот он кто, этот слепой.

– Я говорила, что не буду с тобой спать.

Он своим спокойствием даже не позволял моим волнам бушевать.

– Я не прошу тебя со мной спать. Я этого и не предлагал. – Мужские пальцы невесомо отвели от моего лица прядь, брошенную на щеку ветром. – Просто побудь со мной часок. Поговори о чем-нибудь.

– Думаешь, из меня получится хороший собеседник?

– Неважно.

Мы стояли в одном из окраинных районов возле темной пятиэтажки, как подростки.

– Я даже не знаю, как тебя зовут.

– Мое имя тебе и не нужно. Ты ведь не вернешься сюда завтра.

Снова этот след боли, который невозможно услышать в голосе, но которой окрашен воздух.

– Мое имя тоже не спросишь?

– Это не важно.

– А что важно?

– Что ты хорошо пахнешь. Этого достаточно. Не отдавай меня сегодня одиночеству.

«Мне в нём стыло».

Он умел просить. Делать это открыто и искренне, не провяляя при этом слабости. Признавался в том, чего не хотел, не опускаясь на колени, не впадая в ненужную униженность – такую бы я пресекла.

– Один час, – он мягко предъявил ультиматум и привычно, не дожидаясь моего ответа, потянул меня в спертый воздух подъезда.

«Давай, заходи...», – хитро улыбалась вслед удача, благим намерениям которой я почему-то больше не доверяла.

(Sofia Karlberg – A Bible Of Mermaid Pictures)

Я не знаю, как случился поцелуй у стены в прихожей сра-

зу после того, как обувь была снята. Наверное, виной всему мягкий свет торшера, стоявшего на тумбе. Или тот пресловутый запах его парфюма, вскруживший мне голову в салоне машины – я вдыхала его непозволительно долго. Но поцелуя этого хотели мы оба – мой спутник ощутил это без слов. Понял мой намек, наполнивший коридор флюидами, прижал меня спиной к стене и касанием губ наполнил меня собой, а огнем – кровью. Такой мягкий, такой жадный. Этот человек умел исследовать своим ртом, губами так же хорошо, как и ладонями. Я вдруг поняла, что все мои хитрые планы сейчас рухнут. Казалось, это не человек напротив пьян, а я. И запах спиртного, вожделения и вскипевшей страсти – наш общий, один на двоих.

Наверное, все зашло бы далеко очень быстро, если бы не чувство, что незнакомец желает наслаждаться неспешно. Желает исследовать меня тщательно и очень... чутко. Если бы не мое чувство, что я очень хочу этому поддаться. Боги, он умел кружить голову. Своей легкостью, развратностью, открытостью, беспомощностью и мужским напором.

Тот момент, когда его ладонь была готова накрыть мою грудь, я уловила быстро. Успела поднять руку, нажать на мелкую кнопку на тыльной стороне кольца, чтобы бесшумно выскользнула из укрытия иголка. Маленькая иголочка – обычная, без яда – на неё мужская ладонь и наткнулась. Я сделала это почти автоматически, подспудно желая убедиться в том, что мужчина напротив действительно слеп.

И раздалось шипение от боли.

– Ой, прости, – тут же спешно извинилась я. – Брошка... расстегнулась случайно.

Мой сосед по машине расслабленно смотрел мне почти в глаза.

– Случайно?

– Ну... – Я неслышно спрятала иглу обратно в кольцо. Врать ему почему-то показалось кощунственным. – Просто хотела... убедиться в том, что ты действительно... слеп.

Укоризна в серых глазах, та же мягкая полуулыбка. Опять печальная, и это кольнуло меня сильнее той иглы, что задела его ладонь.

– Это было жестоко.

Он вздохнул. И я поняла, что он сейчас развернется, отправится вглубь комнаты, снимет куртку. Предложит мне сесть, заведет некую беседу – «фонарь от одиночества». Не успел он отойти, как, мысленно сокрушаясь, я взяла его за запястье. Остановила, потянула обратно.

«Что ты делаешь, Мэй? Что ты делаешь?!»

Но я вдруг поняла, что хочу продолжения. Как безумная. Возможно, у меня единственный шанс его почувствовать. Сегодня. Другой возможности не будет. Для женщины не так опасно, когда ее хочет мужчина. Куда опасней, если мужчину хочет она сама.

Мне нужны были его губы. Снова. И его руки.

И, когда его ладонь сжала мой подбородок – уже жестче,

уже с выраженным намерением напомнить, кто ведет эту игру, я прикрыла глаза. Будем играть оба вслепую – так будет честно. Наши дыхания смешались (логика отчаянно дергала меня за подол, понимая, что проигрывает), я временно отдалась помешательству. Он вызывал во мне странное желание, этот мужчина, – забыть все, что я знала до этого, но пойти новой дорогой. За ним, с ним. На этот раз он не поцеловал, но сделал то, о чем я мечтала, начал исследовать мое лицо подушечками пальцев. Абрис моих скул, мои губы, шею. Пусть исследует грудь, если хочет, я больше не буду препятствовать. Вместо губ он поцеловал чувствительное место под мочкой уха, и вновь колыхнулось невидимое ощущение его скрытой силы, его давно неутоленного голода. И еще понимание, что мы задели невидимые струны друг друга – не только он мои, но и я его.

Неясно, как сплелись наши пальцы; новый поцелуй погрузил в полнейшее нежелание помнить прошлую себя. Только настоящую. Не может быть слепым мужчина, чьи плечи так сильны, чья спина так крепка, чья кожа пахнет так, что вдыхать хочется только её.

Дальше подо мной появилась кровать, словно сменился кадр кинофильма.

Я пронзило знание – всё будет. Я позволю ему делать все, и он сделает все. Будет, наверное, лучше, чем я себе это представляю, а после я не захочу уходить. Более того, я не смогу его обворовать – не позволит совесть.

«Мэй... Мэй! Мэй!» – колотила изнутри логика, голову заполнял улетучившийся до того рационализм.

Все верно, я не могу так делать. С каждым встречным, у кого желаю украсть. Или то, или другое. Не так сложно было дать ему понять, что я желаю оказаться сверху. Слепой мужчина подчинился без слов – оказался подо мной на спине. И я выделила себе последние пару минут, целовала его исступленно, почти не могла смотреть в доверчивые расфокусированные глаза, чувствовать, как лавинообразно нарастает огонь. Чем дальше, тем сложнее остановиться. Уже растегнута моя блузка и его рубашка, уже вжикнула молния его ширинки, я уже даже сжала через ткань плавок пальцами то, что очень хотела увидеть воочию – нечто налитое, внушительное. Хотелось бесконечно представлять, как прекрасно и неспешно это будет...

Я выдернула себя из процесса с криком внутренней боли: «Остановись ты! Остановись сейчас!»

И остановилась. Выдохнула шумно, застыла, покачала головой.

– Ты ведь не хочешь меня покинуть? – хриплый голос. И отчаянная просьба в тишине – «только не сейчас».

– Мне нужно... в дамскую комнату. На пару минут.

Он касался моих щек невесомо и жадно, как будто терял. Как будто знал о чем-то наперед.

Нужно придумать, как и куда влить снотворное, нужно продолжить придерживаться плана.

И тут удача, ставшая уже бабкой-сватъей, помогла опять.

– Налей мне, пожалуйста, воды. На столе стоит бутылка, стакан, – его хриплый голос.

Обнаженный участок груди, показавшийся между полами распахнутой рубахи, манил и мой взор, и мои пальцы. Сильная грудь, накачанный пресс. А там, в пройме ширинки... – я почти взвыла от тоски. Этим вечером я однозначно лишила себя вкусного десерта.

– Конечно, сейчас принесу.

Я поднялась с чужой постели, понимая, что лучшего момента не представится. Даже натренированный слух слепого не услышит шорох ткани кармана, откуда я вынимаю маленькую пилюлю. Не уловит, как я раскручиваю ее, как насыпаю в воду порошок. Все ловко, все тихо. К тому же я вовремя «прочистила горло». За снотворное, не имеющее вкуса, приходилось платить втрое, но это того стоило.

– Держи... Я быстро.

Перед тем, как юркнуть в ванную, я убедилась в том, что лежащий на простынях человек выпил всю воду до капли. Даже приняла у него из рук пустой стакан, вернула его на стол.

«Спи, мой прекрасный красавец».

Едва ли я встречала мужчину вкуснее. И я буду помнить то, чего себя лишила, очень долго. Но ведь дело важнее, так?

В ванной я включила воду, сделала вид, что освежаюсь. На деле стояла над краном, держалась за края раковины и на-

блюдала в зеркале свой собственный печальный взгляд.

Все люди делают одно и то же, когда желают что-либо спрятать, – включают один и тот же паттерн логики. Тайники нужно искать там, где ты сам бы их обозначил, живя в данной конкретной квартире. Отсутствие сейфа порадовало чрезвычайно; карта артефактов указывала на то, что искомое находится в рабочем кабинете, где я сейчас и находилась. В столе, конечно же, в нижнем запертом ящике. И ключ от ящика в ящике выше – предсказуемо.

Хозяин квартиры спал на постели – хорошо, что мы туда переместились, что ему не пришлось почивать на полу или в неудобном кресле, например.

Нео-ключ, помещенный в специальную шкатулку, я видела впервые. Узнала его сразу: сложно не узнать высокотехнологичную вещь, в основании которой, заключенная в сферу, вращается, кажется, целая вселенная. Взяла с осторожностью, завернула в тряпку, сунула под одежду.

Незнакомец не храпел. Он лежал без движения, будто мертвый, лишь по мерному подъему груди было видно, что он жив.

Я какое-время смотрела на него, прежде чем уйти.

Болезненное расставание даже после пары часов знакомства. Мне отчего-то хотелось его узнать как человека и хотелось верить, что в другой реальности мы прожили этот час разговоров по душам. Что где-то там я вернулась на следующую

щий день в эту квартиру, к этим губам. Что все сложилось иначе.

– Жаль, что я тебя... не попробовала, – шепнула я вслух, после чего почти бесшумно обулась и быстро выскользнула за дверь, защелкнув за собой замок.

Пусть пропажу он заметит не сразу. Пусть заметит через день, два, неделю. Пусть даже не подумает на меня. Верит, что просто уснул тогда, когда не стоило, перебрал в баре. Что девушка подождала, обиделась и ушла. Такой вот «счастливый конец».

Такси до дома я нашла быстро – грел предвкушением скорой лучшей жизни завернутый в тряпку ключ. И до сих удивительно легкой ощущалась победа.

Слишком легкой. Но слово «слишком» мне не нравилось, и я отпихивала его прочь, разгоняя сомнения тем, что не все в жизни должно быть тяжело. Иногда людям просто везет.

Глава 2

(LBLVNC, RIELL – Phoenix)

Сейчас

Когда Филин отказался покупать ключ, мне показалось, что лжеудача рассмеялась-таки хриплым голосом и явила наконец истинное лицо. Истинное лицо тревоги от надвигающихся неприятностей.

«Слепой Пью».

Прямо как в анекдоте – «слепой и пьешь?»

Эта фраза всплыла из какого-то древнего мультика про пирата – старики рассказывали про такой. Я никогда его не видела лично, и легендарный пират представлялся мне не особенно симпатичным и почему-то носатым.

Поздний вечер. Лечь бы спать, но не спалось – скребло зудящее чувство дискомфорта, будто я что-то важное упускаю. Так, вероятно, ощущает себя мнящая королем пешка в чужой игре, на чужом поле.

С момента кражи прошли сутки. Кому теперь предлагать артефакт? Кто его возьмет?

Не успев раскаяться насчет позднего часа, я подошла к телефону и набрала домашний номер Бредди.

Бред Данфорт когда-то являлся другом моего отца, частенько захаживал к нам в гости, приносил выпивку и гита-

ру. Мать его не любила, но любил отец – те времена, те шутки и те скабрезные песни, которые Бредди пел в пьяном угаре, приносили усталой душе родителя минуты своеобразного покоя.

А после Данфорт открыл ломбард. Начал торговать краденым, и между ним и моим отцом пролегла трещина. Папа не признавал нечестных на руку торговцев, Бредди же крутился, как мог, силясь в темном мире себя обеспечить. И меня он помнил.

Когда в трубке раздался хриплый ответ, я уже решила, что в краже сразу признаваться не буду, но вот информацию узнать попытаюсь. Бредди знал многое и многих. У него был талант видеть невидимое и складывать воедино детали любой мозаики.

– Дядя Бред? Как твоё здоровье?

На том конце закашлялись со смешком – видимо, поддавший вечером Данфорт курил.

– Крестинка... Рад тебя слышать. Как твои дела? Как твой старик?

Бредди все еще лелеял надежду на примирение и видел во мне мост, способный провести его к старой дружбе.

– Все хорошо. Нормально, – поправились я и ненадолго умолкла. Как задать свой вопрос, чтобы не вызвать подозрений? Бредди помнил меня мелкой конопатой юлой, тонущей в материнских юбках, и зачастую радел за меня, как за родную. И это мешало мне вести с ним полноценную торговлю.

– Чем я обязан твоему звонку?

На чужой, далекой отсюда кухне играло радио. Музыка, спасающую настроение от заунывной тьмы, здесь любили многие.

– Расскажи мне, что ты знаешь о Слепом Пью.

На том конце повисла тишина. Кажется, Данфорт ушел с телефоном в другую комнату – радио стихло.

Прежде чем начать говорить, собеседник шумно прочистил горло. Ответил, понизив голос:

– Немногое. Но не связывалась бы ты с ним.

– Почему?

Второе предупреждение за один день. Не к добру.

– Что именно ты хочешь узнать?

– Все, что знаешь ты.

– Все, что знаю я... – Бредди тоже не был так прост, как казался. Он без слов понял, что некое взаимодействие между мной и названным человеком состоялось, и потому теперь размышлял, как лучше предупредить меня о последствиях. Начал без обиняков: – У меня нет даже его настоящего имени. Никто его не знает. Но я слышал, что с теми, кто пытается его обидеть, он бывает жесток. Даже непримирим.

– Но он же слеп!

– Не все вещи есть то, чем они выглядят на поверхности, Крис. – Он был одним из немногих, имеющих право называть меня этим именем. – Слепой Пью не имеет истории в Дэйтоне. Он прибыл в город несколько месяцев назад, сни-

мает квартиру, тратит в барах неизвестно где заработанные деньги. Многие пытались завязать с ним дружбу, кто-то просто пытался увести кошелек. И те, и другие потерпели неудачу. Не смотри на его слепоту, Пью небезопасен.

Пауза.

– Послушай, ты ведь... не обворовала его? Скажи мне, что нет...

– Дядя...

– Я тебе вот что сообщу. Из того, что знаю. Помнишь момент, когда три недели назад в восточном районе отключали горячую воду?

Я помнила. Случилась большая авария, меняли трубы, сотни семей жили без воды.

– И что?

– Пью однажды посетил общественную баню. Только раз. И мой дружбан кое-что рассмотрел, кое-что удивительное.

Мне почему-то сразу подумалось про член. Хороший, очень добротный. Но речь, конечно же, шла о Лейнхарте – то было логично.

– Лейку?

– Да, её самую. Вот только его Лейка – это необычная Лейка. Это другая руна, она модифицирована иными символами.

– Что? Что все это значит?

Я никогда не слышала про иные Лейки.

– Я предполагаю... – Бредди заговорил еще тише. – Су-

дя по снимку, который я видел, этот парень прибыл в Третий из Второго или даже Первого районов. И он из силовых структур. Не знаю, шпион или же сослан... Из него никто не может вытянуть информацию.

Неприятное чувство в загривке усилилось.

– Почему ты думаешь, что из силовых структур?

– Мне так кажется.

Тот самый случай, когда талант Данфорта являл себя в полную силу, когда старику хватило пары символов из уравнения, чтобы сложить невиданную доселе формулу.

– Так... ты ведь не обворовала его? Нет?

– Я... – Горло внезапно пересохло. Дядя Бред, конечно, знал о моих умениях, хоть и не докладывал о них родителям. Просто не мог не знать – община воров, подпольная организация, где все друг о друге слышали. – Я его... опоила.

Где-то в другом конце города, в чужой квартире расхохотались. И отнюдь невесело.

– Ты зря это сделала. И ты его не опоила...

– Я... Что это значит?

– Руна силовиков нейтрализует как снотворное, так и яды. Я об этом читал. Не спрашивай, где. Но ему было бы нипочем, даже если бы ты влила тройную дозу центрина в его чай.

Центрин в чае убивал мгновенно.

Теперь замолчала я.

– Ты в этом уверен?

– Как и в том, что у меня на кухне стоит недопитая бутыл-

ка коньяка.

«Жаль, что я тебя... не попробовала» – ведь именно эту фразу я сказала, стоя на пороге комнаты.

Пью не спал? Притворялся? Все слышал? У меня мгновенно закружилась голова.

Почему тогда он позволил стащить мне ключ? И стало приторно противно оттого, что мои опасения насчет «слишком легкой победы» вдруг обернулись неприглядной правдой о торпеде, выпущенной в бок моей подлодки. Пусть торпеда еще в пути, но она быстро движется по направлению к цели. Слепой человек сам повел меня к себе домой, сам зашел в подъезд, сам попросил воды, сам ее выпил... И сам сделал вид, что спит. На мгновение я почувствовала себя плохо, тошнотворно.

– Что именно ты у него стащила? – Бред видел меня насквозь. Я молчала. И тогда Данфорт продолжил сам: – Если Пью позволил тебе чем-то поживиться, то это лишь для того, чтобы поиметь с тебя куда больше, чем потерял. Поверь мне. Есть лишь одна вещь, в которой я плох, и это то, что я никогда не ошибаюсь. Кристина... Кристина?

Он о чем-то спрашивал. О том, нужна ли мне помощь и чем являлся украденный предмет.

Я же наспех попросилась, постаралась сделать это вежливо, после чего положила трубку. Посмотрела сначала на телефон, после на входную дверь. Она заперта? И почему я так отчаянно боюсь услышать за ней нетвердые шаги, а после

насмешливый голос?

(FEARSTbeats – Raven)

Любой вор, желающий жить долго, должен уметь слушать интуицию – моя надрывно верещала и жгла мне пятую точку кислотой. Она призывала меня сорваться с места – и сорваться немедленно. Я не просто обокрала Пью – я его унизила. За свою жизнь я многократно сталкивалась с мужчинами, с их желаниями и чувством ранимости, и это чувство не могло не посетить человека, которого опоили, предварительно приласкав. Которого поцеловали, которому расстегнули ширинку, подержались за его «достоинство», пообещав продолжение. А после обокрали, оставив лежать на постели со спущенными штанами.

Если бы так поступили со мной, я была бы зла. Я бы, отыскав вора, орала ему в лицо: «Обязательно было унижать меня как женщину? Не мог просто забрать то, что хотел, и уйти?!»

Пью будет зол. Будучи таким сложным и «непримиримым» субъектом, каким описал его дядя Бред, он навряд ли простил бы мне одинарную ошибку. А уж двойную...

Нет, сегодня спать нельзя. И находиться здесь тоже – здесь меня будут искать в первую очередь.

Суетно, тревожно, прогоркло, но пришла пора сниматься с места.

На склад Филина я пробиравлась тайком. Перебегала освещенные территории, замирала в тени, постоянно оглядывалась.

Почему на склад? Потому что именно там хранила собранный на экстренный случай рюкзак со всем необходимым для «побега» – припасами сухой еды, сменной одеждой, кое-какими инструментами, а также деньгами, которые я никогда не держала в квартире. Квартира – слабое укрытие для ценных вещей, как показывала практика. Стальной сейф вместо двери привлек бы больше внимания, нежели стандартный хлипкий заслон, решетки на окнах пробудили бы азарт у воров, а не отпугнули бы их. Склад Филя охранялся сигнализацией, от которой я знала код. К тому же у меня имелся запасной ключ.

Орин знал о моих пожитках там. И был с их хранением согласен.

Спустя двадцать минут я перебирала вещи в рюкзаке, который достала с одной из полок, предварительно подкатив передвижную лестницу. Спустила сумку вниз, водрузила ее на деревянный ящик с консервами, принялась проверять, все ли на месте.

Сигналку я сняла, наружную дверь предусмотрительно заперла на ключ; под потолком тускло горели лампы. Здесь было пыльно, но убрано. На многочисленных стеллажах стояло все, что могло храниться без холодильника: упаковки банок

с горошком, консервированная икра, подсолнечное масло, бутылки с чистой водой, крупы, майонезы, соусы в стеклянных банках. Кухня «Тритона» подавала посетителям не только выпивку, но и закуски, повара трудились круглосуточно. В Дэйтоне нет рынков, куда каждое утро привозят свежую продукцию для ресторанов, и потому Фил закупался заранее. В противоположной стене блестели мощные дверцы холодильника – там молочка, рыба, мясо. В углу ящики с овощами – оттуда пахло картошкой. Вероятно, помощники Орина давно не перебирали картошку...

Деньги на месте, пайки в рюкзаке, дубликат документов в кармашке, бутылка с водой всунута в сетчатый отсек. Этот рюкзак, вероятно, у обычного человека вызвал бы изумление – для чего в нем столько всего? Но я знала: ситуации бывают разные. Преследования, погони. Когда-то придется заночевать в лесу...

Через минуту я закончила бы процесс инспектирования, накинула бы лямки на плечи и была такова.

Была бы.

Но практически бесшумно отперлась входная дверь, закрытая до того на ключ.

И в нее вошел Пью.

Я понимала, что он меня найдет. Когда-нибудь, где-нибудь. Нео-ключ – весомая потеря. Но я не думала, что он сделает это так быстро. Как он отпер дверь? Отмычками?

А главное, он снова запер ее за собой, после чего развернулся, стоя в расслабленной позе, и принялся.

Я не шевелилась, хотя отлично видела его отсюда – нельзя издать ни шороха, ни звука. И срочно нужно подумать, как быть, что сделать для того, чтобы улизнуть.

В бешеном ритме колотилось сердце. Никогда раньше оно не рвало в галоп столь стремительно, и вид опечаленного и в то же время спокойного слепого человека заставлял волосы на моей голове шевелиться от ужаса.

– Ты здесь, – произнесли от двери. Не вопросительно – утвердительно. – Я чувствую твой запах, красавица.

В голосе как будто совсем нет злости.

– Покажи себя.

Я никогда прежде не пыталась обратить себя в каменную статую; от чрезмерного усилия не двигаться моментально вспотели ладони.

– Не хочешь? Знаешь, – он сделал шаг вперед, затем еще один, – я ведь даже поверил, что понравился тебе. Совсем чуть-чуть. А мне понравилась ты.

У меня мозг в желе, мне нужно думать, как скрыться отсюда, а я слушаю чужие речи. И неподдельная грусть колет шипами размякшую совесть.

– Но... я, наверное, слишком наивен... Позволил себя провести, да?

Он ухмыльнулся, но печально. Как человек, у которого задела не чувство собственного достоинства, но сердце.

Мой медленный выдох. Такой же медленный вдох. Я судорожно ощупывала взглядом полки – попробовать на него что-то свалить? Насколько быстро он двигается? И опять же, не сломать бы ему шею... Черт, я же не изверг какой, я просто хочу сбежать. Живой.

– Ты сменила духи... Не поможет.

Я действительно сменила духи. На всякий случай.

– ... я чувствую твое дыхание. Я всегда узнаю тебя по нему. Ты ведь не перестанешь дышать, нет?

Его голос мягкий, обманчиво ласковый, с грустинкой. Но что, если на самом деле он маньяк, каких часто показывают в фильмах? Притягательный снаружи, но равнодушный, стеклянный изнутри.

Я чувствовала по отношению к Пью разношерстные эмоции – он до сих пор мне нравился. И эта горечь в его голосе ощущалась настоящей. Но еще я бешено его боялась. Особенно после того, что рассказал Бредди.

– Ты кое-что у меня взяла. Помнишь?

Я бесшумно скорчила гримасу – я помнила. Может, он блефует? Не чувствует на самом деле моего запаха, не знает о том, что я здесь. Пока молчать, пока не двигаться, не выдавать себя.

– Где-то внутри я верил, что мы поладим.

«Я тоже в это верила». В другой жизни – так я решила. Хотя где-то очень глубоко до сих пор хотелось в этой.

– Верни то, что взяла, и мы поговорим.

Хотелось бы кивнуть, но я не имела права рисковать. Он заберет ключ, а с ней и мою надежду на большие деньги, которые проложат дорогу в Гринхилл. Возможно, он меня покалечит – я не знала настоящего характера того, кто медленно двигался по проходу. Еще пара десятков метров, и наша стычка станет неизбежной. Его нужно отвлечь, а после бежать – я рыскала взглядом по полкам... После вдруг ошарашенно вспомнила про приложение в телефоне – дубликат системы управления складом Филадельфии. Он как-то поставил ее мне, когда попросил срочно доставить в бар продукты. Тогда был большой наплыв посетителей, праздники, Орин зашивался.

Телефон из кармана я достала тихо – тот всегда стоял на беззвучном. Постаралась не дышать, ткнула на иконку приложения. Работает, оно до сих пор работает... На полках установлены двигательные элементы для того, чтобы помогать работникам стаскивать тяжелый груз вниз. Конечно, предварительно должны быть подставлены погрузчики... Бешеный галоп сердца не унимался.

– Хорошая моя... Кристина, ведь так?

По моему позвоночнику скользнула вниз изморозь.

– Откуда я знаю твое имя? Я спросил в «Лунах» о том, кто провожал меня вчера. Мне ответили: «Мэй». Оказывается, многие думают, что тебя так зовут. И лишь немногие знают правду.

Мне стало мутно. Люди признаются в чем угодно, если

дать им на лапу или же правильно «спросить». Например, с клещами для удаления ногтей из пальцев.

Пью был неспешен, терпелив и ласков.

Мог ли он на самом деле обладать подобным нравом или же это прикрытие для холодной агрессии?

Он как раз под полками Д, сектором шесть. На них – я бросила спешный взгляд – кули с мукой. Мелкие, двухкилограммовые. Такими шею не сломаешь, наверное. Но чтобы отвлечь – как раз.

Я, ощущая себя крайне тошнотворно оттого, что опять, возможно, причину вред слепому человеку, нажала нужную комбинацию кнопок. Система отозвалась сразу, пикнула, зашуршал сверху элемент.

Кули посыпались неожиданно и кучей. Наверное, они могли бы повредить ему голову, шею или позвонки, но за долю секунду до падения вниз муки Пью сделал шаг в сторону. Очень плавный, очень точный.

И теперь он был обижен. Смотрел чуть вниз, стоял без движения – на лице укоризна.

– Ты очень жестока ко мне, знаешь об этом?

Мучная взвесь из порванных пакетов поднялась белым облаком; я же вся покрылась потом от орущей внутри совести и понимания того, что нужно бежать.

Бежать, потому что я верю его лицу и его голосу, потому что мне хочется выйти к нему навстречу и поговорить. Что я за дура такая?

Ну уж нет. Я или за себя, или за чужака.

А я за себя.

И потому я бахнула по кнопкам для того, чтобы сектора С и Д осыпались вниз одновременно (Фил меня линчует), схватила рюкзак и бросилась со склада на выход, расположенный с противоположной стороны. Он всегда был заперт на засов.

Сзади шорох, грохот, треск рвущейся бумаги, удары жестяных банок о пол...

Засов в сторону, двери нараспашку – какие же они все-таки тяжелые!

Выскочив наружу, я наткнулась на компанию не то нариков, не то алкашей, играющих позади склада на пустой картонной коробке в сквиш. Перемахнула через коробку на ленту, услышала вой: «Эй, ты че, охамела...» Но даже не оглянулась, понеслась прочь.

«Нужно позвонить Филу. Срочно сообщить о том, что склад остался открыт... Пока не разграбили».

Но мой мыслепоток прервал новый ор алкашей.

Потому что наружу вышел Пью.

И он не перепрыгнул коробку со стаканчиками и фишками, он сбил ее коленом.

– Слышь, прям в разгар партии... Мудила...

Их было трое.

– Прошу прощения, парни. – Пью был обходителен, даже

галантен. – Не имел намерения мешать вашей игре.

«Все-таки нарики», – думала я, упрекая себя за то, что почему-то замедлилась, а после совсем остановилась. Молодые и наглые, глаза мутные. «Их трое, он один...» Что, если ему понадобится помощь? Я не могла просто взять и уйти, меня вдруг, как сбойнувшую коробку передач, заела совесть.

– Ты всю игру испортил, урод...

– Я вас не видел.

– Не видел он... Слепой, что ли!

Наверное, ставки были высокими, наверное, они играли на последние деньги – кто-то проигрывал, кто-то выигрывал, – матч был важен. Напряжение на высоте.

– К сожалению.

Почему Пью не бежит? Зачем ведет с ними диалог?

– Щас ты еще глухим станешь и немым... Будешь плевать на траву собственные зубы...

Они были обдолбанными, и я судорожно думала о том, что подниму с земли камень, вернусь к нему, чтобы помочь – огрею одного из ублюдков по голове. Не смогу жить, если Пью запинаят насмерть, оставят лежать на земле.

– Давайте разойдемся миром.

Знакомый голос спокоен, вежлив.

Но спокойствием от наркоманов не пахло – пахло безумной яростью, бешенством. Они окружили виновника их бед, один из них щелкнул карманным ножом...

А дальше я созерцала то, что не надеялась увидеть нико-

гда. Мне показалось, время замедлилось – для меня, для них, для Пью. Они ринулись на слепого разом, как голодные псы, но человек в центре совершенно точно и уверенно выбросил руку вперед, ударил одного из них в челюсть. Молниеносно, одновременно с этим выкинул назад ногу, и пинок в живот получил второй.

«Пью видит не глазами, чем-то еще...» – так сказал Фил. И он оказался прав. Как невозмутимый мастер боевых искусств, слепой уклонялся от чужих ударов, не позволял даже коснуться себя, и, когда бой с шайкой молодняка почти закончился, на меня вновь хлынул ужас.

«Он не беспомощен... Он совсем не беспомощен...»

«Вот почему никто не мог вытащить его кошелек, не мог ограбить», – думала я на бегу, ринувшись к дороге. Пересечь трассу, перепрыгнуть через ограждение – там лог. Если я пересеку его и поднимусь с обратной стороны, я, возможно, оторвусь от погони, после запутаю следы. Доберусь до станции... Черт, я заплачу втридорога любому водителю попутки, который остановит машину на мой призыв...

На шоссе ревели моторы, слепили фары. Дождавшись, когда мимо с лязгом и грохотом пронеслась фура, я метнулась по бетону, как обезумевший заяц, раздался протяжный сигнал клаксона. До меня долетел бранный поток слов водителя, пролетевшего по встречке.

«Если Пью собыют... это будет на моей совести... Если...»

И сама же себе ответила: его не собыют. Похоже, он нигде

не потонет.

Через металлический забор я махнула на полной скорости, оглянулась лишь на секунду – за мной по пятам, в какой-то мере неторопливо, следовал человек с раскосыми глазами.

«Давай просто поговорим».

Я не знала о том, кто он, но «мирных» разговоров теперь отчаянно боялась. Он отпер склад снаружи, он раскидал наркоманов, он увернулся от муки и других продуктов, посыпавшихся на него сверху градом... Кто он? Кто он, черт его дери, такой?

Вниз по сырой траве на заднице, потому что поскользнулись кроссовки, и снова оглушающий сигнал клаксона. Тот, кто шел следом, отставать не собирался. Вниз по склону, вниз, вниз, добраться бы до кустов.

Здесь было темно, расселина, никаких фонарей. И я растянулась прямо на ровном дне лощины, запнулась о камень. Вылетел из-под одежды ключ, развернулась ткань... Моя находка, моя драгоценность...

– Кристина!

Этот окрик вогнал меня в шоковый транс – голос слишком близко, у меня буквально секунды. Хороший вор не сдаётся, хороший вор будет выживать с добычей до последнего. Я спешно поползла к ключу на локтях, мне в глаза бил луч света с его набалдашника. Чем ближе, тем ярче свет, тем сильнее чувство сюрреализма, будто окружающая ре-

альность плавится, подрагивает и становится зыбкой. Ключ, ключ, я не могу тебя отдать...

Шаги Пью уже за спиной, сейчас он доберется до меня, дернет за ноги на себя, после обездвижит. И настанет пора наказания – хорошо, если я не останусь лежать в этих кустах навечно.

До ключа я добралась, шумно дыша. Чувство сюрреализма усилилось – теперь я не видела вокруг себя ничего, кроме сияющего набалдашника и кокона света, которым артефакт нас окружил. Этот чертов ключ будто ожил, будто что-то шептал мне. А после мои глаза выхватили на ближайшем камне очертания замочной скважины.

Я больше не умела думать – одни лишь голые инстинкты. В другое время я бы задалась вопросом: как в камне может оказаться замочная скважина? Быть может, это тень? Или просто морок ошпаренного страхом сознания?

Но в этот самый момент, когда почувствовала на щиколотках захват Пью, я схватила нео-ключ, светящийся на траве небесной кометой, с размаху вставила-вдолбила его в каменную замочную скважину.

Успела услышать «Не делай этого!», ощутить рывок Пью, его стальные пальцы, а после мир вспыхнул слепящей белизной и ушел во тьму. Без моста, без машин, без фонарей Дэйтона на той стороне лоцины.

Глава 3

(Power-Haus feat. Duomo – Moriarty)

Мы грохнулись рядом на траву – я и мой преследователь. Колени тут же неблагодарно заныли, ладони утонули в жестком ковре из растительности. Я тряхнула ошалелой головой, попыталась вернуть себе сфокусированное зрение, и первым, что я увидела, был лежащий рядом нео-ключ, набалдашник которого больше не светился. Его, ключ, я подгрехала быстро, сунула под одежду; поднялся на карачки и мотнул головой Пью.

– Кристина...

Он застонал от боли, потер виски.

Кажется, он был зол.

Вокруг стояли стриженные кусты – и ничего более. Высокий забор из кустарника, дорожки между и темное ночное небо над головой.

– Где мы? – Пью оперся ладонью о траву, сел.

Я же понимала, что надо давать деру. Не получилось там, должно получиться тут, где бы это пресловутое «тут» ни находилось. Притянула к себе свалившийся рюкзак, быстро натянула лямки на плечи.

– Ты же сам можешь видеть...

В моем тоне плескалась желчь. Лучше бы я переместилась

в новое место одна, без него. Но выбирать не приходилось – Пью в момент активации ключа держался за мои ноги и, вероятно, поэтому перенесся следом.

– Тебе нравится издеваться над слепым? Твою беспощадность я заметил.

– Не такой ты и слепой.

Но человек рядом беспомощно ощупывал землю – какими бы сверхспособностями он ни обладал десять минут назад, сейчас он их, похоже, потерял.

Скрипнули от раздражения чужие зубы.

– К сожалению, такой.

– Угу, – я больше не собиралась ловиться на жалость, – слепцы не умеют уворачиваться от падающих сверху предметов, не способны играючи раскидать шайку наркоманов и не бегают по дорогам среди фур.

– Остальные чувства помимо зрения я еще не растерял. – Я впервые видела его агрессивным. И вместе с тем странно-потерянным. – Чего ты хотела в момент переноса? Сбежать от меня? Ну так беги.

И, хотя в его голосе не было угрозы, я сорвалась с места как заяц и побежала туда, где виднелся единственный проход из этого лиственного закоулка.

Это был лабиринт. Настоящий и очень большой. Такие приказывали организовывать себе короли, для того чтобы придворные могли в них «теряться». Высоченные зеленые

стены, за которые не заглянуть, множественные разветвления, закоулки... В таком петлять и петлять. Первые два поворота – один налево и один направо – я пробежала на полной скорости. Еще один сделала, сбавив темп, – заросли бесконечны. А после, прислушиваясь, остановилась.

Мне почему-то стало страшно. Пью за спиной не показывался, я не слышала его шагов, хотя, ощущая только стук сердца в горле, простояла без движения почти две минуты. Куда дальше? Налево, направо, прямо?

Мы с ним свалились в тупик, в своеобразное «начало», а дальше... Что делать дальше, к тому же ночью? Пусть света здесь хватало – он лился от травы и листьев, – но ощущение тревоги не проходило. Мне чудилось, что лабиринт не так прост, что он живой и что в нем кто-то «водится». Вглядываясь в развилки, в силуэты углов, куда уводили дорожки, я подспудно ожидала, что сейчас кто-то покажется. И этот кто-то мне понравится еще меньше, чем Пью.

Навалилось ощущение, что мои ноги засасывает трясина. Вечная беспомощность. Где находится это место? Почему сработал ключ и куда, черт его дери, он нас закинул?

Еще минута тишины.

Пью, несмотря на свой рык «беги», следом не шел.

Двинувшись дальше, я однозначно потеряюсь. Я заблужусь. Возможно, наткнусь на кого-то.

«У меня хотя бы есть вода. У него – нет».

Сомнения рвали на части – идти одной? Наплевать на то-

го, кто остался позади? Просто попытаться выбраться? Возможно, лабиринт не такой уж большой, но от мысли преодолеть еще один «пролет» и пару раз куда-то свернуть мне делалось муторно. Опять орала интуиция.

Черт. Я опустила на траву и какое-то время сидела. Было бы проще, если бы погоня продолжилась, тогда только вперед. И некстати вспомнилось движение руки Пью по траве – движение, полное отчаяния, – он действительно сейчас ничего не видел.

«Может быть, он и слеп. Но он умеет драться».

Не знаю, как и чем я приняла решение, но двинулась я не вперед. Я двинулась обратно.

(Kandi Peterson – Cannonball)

Он сидел у одной из «стен», смотрел как будто на небо – голова поднята вверх. На мои шаги даже не повернулся, и меня опять настигло муторное чувство печали. Он не собирался за мной бежать, меня преследовать. Он, очевидно, не знал и не понимал, где находится, куда двигаться – я была бы гадиной, оставив его одного.

Опасливо усевшись рядом, я какое-то время косилась на мужественный профиль, выжидая, кинется на меня с агрессией или нет, но Пью просто молчал. И я решилась на диалог.

– Как, ...почему сработал ключ?

Я думала, он не ответит, но слева вздохнули.

– Потому что ты активировала его диким, сумасшедшим желанием куда-то переместиться. Полной силой своей дурасти.

Он вдруг рассмеялся без злости и не обидно, но как-то обреченно. И умолк.

– Где мы сейчас?

– Тебе виднее.

Сарказм теперь звучал в его голосе.

– Это лабиринт, – пояснила я нехотя, – лабиринт из очень высоких и очень ровно стриженных кустов. Он тянется насколько хватает глаз. Сейчас ночь, но здесь довольно светло. И... никого... на первый взгляд. Мы в тупике... В закутке.

– Что ж, – Пью смотрел вниз, на свои руки, – ты очень хотела сбежать, заплутать и запутать следы, когда формировала пространство. Поэтому мы в лабиринте. Логично.

– Я ничего...

Мою попытку возмущенно оправдаться прервал нетерпеливый раздраженный выдох – мол, не трать слова.

«Конечно, ты его сформировала. Хоть и не понимаешь, как именно».

Я почему-то ждала, что на меня зло набросятся, обвинят, обзовут, упрекнут. Но этого не происходило, и забрезжила робкая надежда, что Пью не так зол, как мне думалось.

– Где мы..., ты не знаешь?

– Я не знаю.

– Откуда вообще взялось это место?

– Оно сформировалось из ничего.

– Такого не может быть...

– Что ты знаешь о ключе?

– Ничего.

– Вот из этого «ничего» он и сформировал для тебя пространство.

Кажется, я слышала едкие нотки.

– А ты знаешь о ключе больше?

– Знаю.

– И умеешь им пользоваться?

– Умею.

Внутри забрезжила надежда. Я уже успела представить, как мы скитаемся по этому лабиринту сутками напролет, как ищем воду, ощупываем опостылевшие листовенные стены, миримся, ругаемся, рассказываем друг другу истории из жизни. Возможно, всего этого можно избежать? Ключ, конечно, отдавать не хотелось, но и сидеть неизвестно где тоже. Медленно умирать от истощения, от жажды, терять силы и продолжать скитаться.

Мне пришлось сделать над собой усилие и прочистить горло; над верхним краем изгороди светила луна – вполне привычного вида для той, которая была соткана из «ничего».

– Если я отдам тебе ключ... Если я извинюсь за то, что украла его, и отдам... – Помолчала. – Это будет правильная идея?

Он так на меня и не посмотрел. Не повернул головы, в смысле. Хотя зачем ему, если моего лица он все равно не увидит.

– Это будет правильная идея.

В конце концов, он за ним и шел. Не за мной, но затем, чтобы вернуть ключ. Что ж, ладно, он выиграл этот раунд. Мне придется однажды найти и своровать что-то другое. Между ценной находкой и жизнью я выберу жизнь.

Я достала ключ, развернула тряпку, положила его на чужую раскрытую ладонь – «прощай, нео-игрушка».

Удивилась тому, что Пью сжал ладонь, но не предпринял никаких попыток активировать ключ.

– Извинений я не услышал, – пояснил он спустя паузу.

Ах да... Сложная часть. Иногда извиняться сложнее, чем проигрывать.

– Прости, что я без спроса взяла твою вещь...

– Не слышу раскаяния.

– А его и нет. Я обещала извиниться, а не раскаяться.

Пью хмыкнул. В нем сохранялась для меня все та же загадка, как и в самом начале. Некая мистичная многослойность.

– Почему все называют тебя Мэй?

– Неважно... Давай, вытаскивай нас отсюда.

Но, вместо того чтобы активировать ключ, Пью аккуратно прицепил его на цепочку, лежащую змейкой на ключицах. Прицепил и опустил под рубаху. Замечательно, чудесно!

– Ты же обещал!

– Первое: я не обещал. – Его тон удивительно спокоен, размерен. Казалось, слепой никуда не торопится – ни жить, ни делать, ни решать. – Второе: я сказал, что умею им пользоваться, но не сказал, что смогу сделать это прямо сейчас.

– Ты обманщик! – внутри моментально вскипело ядовитое варево.

– Сказать, кто тут обманщик?

Я прикусила язык.

Досада, прогорклая досада – вот, что я ощущала. Отдала ключ «просто так», безо всякой выгоды, как оказалось. Дурьнда.

– Если умеешь пользоваться, почему не воспользуешься сейчас?

– Потому что для этого требуется зрение – у меня его нет. С набалдашником нужен визуальный контакт, ты это ощутила. Если помнишь.

Я помнила. Когда вокруг засветилось марево, когда засияла верхушка, свет и я сцепились невидимой нитью, и эта нить проникла через глаза куда-то внутрь меня, вытаскивая на поверхность желания.

– Тогда отдай его мне... Я попробую!

– Не попробуешь. Ключ не может быть активирован дважды так быстро.

– Сколько нужно ждать?

Я была как гончая, как пес, чувший добычу, но мне все

никак не позволяли сорваться с места.

– Теперь он будет накапливать энергию в течение семи-десяти дней. Так что, если захочешь снова его своровать, будь готова к тому, что быстро он не сработает. К тому же ты все-таки не знаешь тонкостей и процессов.

«В следующий раз можешь попасть в место куда хуже этого».

Край луны сделался толще, уже показался пузатый бок.

Совершенно безрадостные перспективы.

Ключ не работает. Чтобы активировать его снова, нужно ждать неделю. Если это сделаю я, попаду «хрен знает куда», Пью знает, как попасть в нужное место, но не имеет зрения. Ловушка.

Мы долго сидели тихо, очень долго. Пропитывались осознанием собственного положения. Шелестели листья, ветер сюда залетал редко. Теплый, летний. Хорошо, что на земле плотный травяной ковер, не мерзла пятая точка. «А если бы в зиму?»

– Мне кажется, этот лабиринт живой, – поделилась я опасениями спустя минуты тишины. – Там... кто-то есть.

– Очень может быть. В пространстве, сотканном из твоего разума, может быть что угодно.

Он был безмятежен. И в то же время оставался потерян – сейчас он действительно ничего не видел.

И я не удержалась от вопроса.

– Как..., – спросила шепотом, – как ты смог преодолеть

все препятствия тогда? Почему не видишь теперь?

Наверное, ему не хотелось отвечать. Но он ответил.

– Я могу впадать в расширенное видение пространства при необходимости. Но этот режим... очень энергозатратен.

Вон оно как...

Я почему-то потянулась к сброшенному рюкзаку, достала из него воду, протянула бутылку.

– Вода.

Он лишь покачал головой – не сейчас. «Побереги её» – я чувствовала его мысли.

Меня, привыкшую постоянно действовать, убивала неспешность Пью. Нежелание куда-то идти, что-то делать, суетиться, выбираться, выживать. Хотя что он мог, будучи незрячим?

Наверное, это был жестокий вопрос. Но мне хотелось его задать.

– Ты сможешь выйти отсюда без меня?

Он просто покачал головой.

После пояснил.

– Даже если ты не украдешь ключ. Даже если я протяну десять дней без воды, что маловероятно, я все равно не смогу активировать эту вещь без зрения.

«Так что я обречен».

Странное чувство меня пронзило, пробило мурашками насквозь. Он каким-то образом был готов к неблагоприятным исходам, был готов к ним всегда, он не терял стерж-

ня. Просто понимал свои возможности, оценивал их трезво. И не трепыхался там, где это не имело смысла.

Дерьмо. Я чувствовала свою ответственность за него – нельзя бросать слепого тут. Каким бы многослойным он ни был, какие бы загадки ни хранил, без меня он отсюда не выйдет. От этого знания ни вреда, ни пользы – все есть, как есть.

Болезненно толкнулась мысль – ведь это сложно. Постоянно верить свою судьбу в чьи-то руки, принимать помощь, надеяться на кого-то. Этот кто-то может оказаться совестливым человеком, а может оказаться подонком. Насколько в подобной ситуации хватило бы моей собственной веры в людей?

Мы пойдем вместе – это точно.

Я втянула свежий ночной воздух и выдохнула обратно.

– Ты ведь умеешь драться, да?

– Чуть-чуть.

И ласковая улыбка. Мягкая такая – мне вспомнились разлетевшиеся в стороны наркоманы. Все-таки Пью не прост, совсем не прост. Скорее, непостижим.

– Мне кажется, мы нужны друг другу сейчас, – признала я неохотно. – Я чуть-чуть нужна тебе, а ты чуть-чуть нужен мне.

Он опять смотрел вверх, будто мог видеть звезды. И его спокойный взгляд в который раз погрузил меня в ловушку из путаных эмоций.

– Я ждал, когда ты придешь к этой мысли.

(Kendra Dantes – Can't save the world)

– Смотри, что у нас с собой есть... – Ведь это уже *мы*. Он должен знать перечень вещей, чтобы понимать, чем мы располагаем. – Тонкое одеяло, через него не проникает холод. Небольшой запас сухих пайков, бутылка воды. Сухое горючее для разведения огня, антисептик, походная аптечка...

Пью улыбался. В его незрячих глазах застыла насмешка, и я возмутилась:

– Что?!

– Кажется, ты заранее собиралась пожить в этом лабиринте.

– Я, ... агхр... – Я рыкнула и выдохнула одновременно. – Я собиралась не пожить здесь, а сбежать от тебя. Понимая, что, возможно, придется временно скитаться, укрываясь от погони.

– Предусмотрительно.

Он продолжал улыбаться.

Его улыбка, его спокойствие бесили. Разве он не понимает, что нам нужно что-то делать, двигаться, изучать это место, искать выход? Мы не можем сидеть здесь вечно.

– У меня из оружия только два коротких ножа. А у тебя? У тебя есть оружие?

Он не выглядел человеком, оснащенным, как военный ки-

борг. Обычные штаны, обычная куртка. Кобура отсутствовала.

– Не беспокойся за оружие. Все, что нужно, у меня есть.

Главное, чтобы у моего кипящего чайника не съехала крышка. Досада, раздражение и тревога – вот, что чувствовала я. А Пью, кажется, забавлялся.

– Идем. – Я встряхнула застегнутый и заново упакованный рюкзак, чтобы плотнее утрамбовались вещи. Закинула его на плечи, протянула слепому руку. – Мы не можем сидеть здесь вечно. Я поведу тебя.

Ответный жест не случился. Пью как сидел у изгороди на земле, так и остался сидеть – руку мне не протянул.

Лишь спустя паузу изрек:

– Кристина, какое сейчас время суток?

– Ночь.

– Ночь. – Он, кажется, пытался натолкнуть меня на очевидные выводы, но я лишь сильнее раздражалась. – Когда мы попали сюда, сколько времени было в нашем мире?

– Не знаю... Полночь.

– Сгенерированное ключом пространство почти всегда копирует исходное время суток, если не было иного запроса...

«Откуда у него все эти познания?»

– ... значит, здесь сейчас тоже почти час ночи. Что именно ты хочешь исследовать уставшая? Думаешь, твоего внимания будет достаточно для того, чтобы оперативно справ-

ляться с проблемами?

– А если нас попросту сожрут какие-нибудь твари? Пока мы тут сидим...

– Не сожрут.

– Откуда ты можешь это знать?

– Я их не чувствую.

Мне хотелось, совсем как в детстве, колотить руками и топтать ногами. Он был рационален, он был, наверное, логичен, но он бесил. Хотелось едко возразить по поводу его «я их не чувствую», но что-то останавливало. Возможно, он действительно чувствовал больше, чем я. Но как не рваться в бой, как не пытаться действовать?

– Сейчас, – прочитал мои мысли тот, кто сидел на земле, – разверни свое одеяло. И ложись спать. Мы выдвинемся утром.

– Спать?

– Спать.

«Тебе нужны силы».

Наверное, он был прав – не хотелось этого признавать. День был длинным и сложным, к вечеру я устала. Плюс стресс, плюс попытка оторваться от «врага», случайное использование ключа, шок сознания. Я до сих пор отказывалась поверить, что перенеслась куда-то, что нахожусь очень далеко от привычных мест – это заставляло нервничать, погружало в безумный сюр. Хотелось под подушку, накрыться ей и одеялом, хотелось спрятаться и... успокоиться, отдох-

нуть.

– Ты прав.

– Мне нравится, когда ты это говоришь.

– Еще бы... Все мужики одинаковые. Вы нас любите, куда мы признаем вашу правоту...

Удивительно глубокими были его незрячий взгляд и застывшая полуулыбка на губах. Показалось, что в чужой черепной коробке плывут пласты недоступных мне размышлений и воспоминаний. Никогда туда не пробиться, никогда их не раскопать.

Вздохнув, я принялась доставать из рюкзака одеяло. Кажется, снаружи достаточно тепло, чтобы спать, не укрываясь. Если укроюсь, места на двоих не хватит, а Пью не должен отморозить пятую точку. Ночи – они и есть ночи. Даже летом бывают холодные.

«Пью», – хотела позвать его я, но запнулась. Поняла, что не могу больше так его называть – кличка ему не шла. Не тому человеку, на лицо которого я сейчас смотрела.

– Как тебя зовут?

– Назови меня любым именем, которое тебе нравится. –

Он даже не задумался об ответе.

– Все называют тебя Пью. Слепой Пью.

– Пусть так.

Ему было все равно. Но ведь у него имелось настоящее имя, и он совершенно точно его не забыл.

– Предлагаешь продолжать тебя так называть? Когда

на нас нападут враги, орать: «Пью, на три часа! Бей!»

Он смеялся. Он вообще легко позволял себе смеяться, и мне в нем это нравилось.

– У тебя хорошее чувство юмора.

– Я хочу знать настоящее имя.

Он уловил мою серьезность. И мое намерение «ковырять». Молчал долго, даже взгляд раскосых глаз, который, как выяснилось, меня чуть-чуть поддевает и чуть-чуть возбуждает, сделался тяжелее.

– Называй меня Эггерт.

Что-то сложное мелькнуло в серых глазах.

– Это твое имя?

Почему-то мне показалось, что да, этот фрагмент принадлежит миру «Пью», является его частью. Но далеко не центральной.

– Одно из.

– Одно из?

Я вдруг поняла, что большего он все равно не скажет, бесполезно давить.

Хорошо, Эггерт так Эггерт, я вздохнула.

Указала на расстеленное на земле фольгированное одеяло, спохватилась, что жестов он не видит.

– Я расстелила «лежанку». Ложись. Здесь хватает места на двоих.

Постаралась выдать это ровно, без пошлого подтекста.

– Я посижу. – Он смотрел на меня и мимо. Ветер стих

полностью, кажется, даже потеплело. – Подежурю пару часов на всякий случай.

Все-таки он не прост, и он гораздо серьезнее, чем кажется на первый взгляд, подумалось мне.

– Если от сидения на земле к утру разобьет невралгия, ты будешь бесполезен как «защитник».

– Очень хочешь, чтобы я улегся рядом с тобой?

Кажется, его улыбка все сочилась двойным смыслом.

Черт.

– Защемление седалищного нерва – хуже, чем просто лежать вдвоем, – процедила я почти зло.

– Не беспокойся, – у него снова мягкий обволакивающий голос, – я не замерзну. Но согрею тебя, если замерзнешь ты.

У меня замерло дыхание на этих его словах. Что-то теплое, что-то глубокое и невероятное ощутилось в воздухе.

– Просто обниму, – пояснил он, но ощущение глубины не пропало.

Я покачала головой, понимая, что она перестает соображать. Пусть сидит, если хочет, – я спать. Сложно будет уснуть в этом странном месте, но мне нужны силы, чтобы совершить марш-бросок утром. И потому я усну.

Я проснулась по внутренним ощущениям часа в три ночи. Не потому, что замерзла, и не потому, что за моей спиной

спал Пью.

«Эггерт» – нащупало взбудораженное сознание его новое, пока непривычное мне имя. «Он – Эггерт...»

Меня что-то напугало. Перевернувшись на спину, я поняла, что лабиринт внешне изменился – от листьев почти пропало свечение. Из зеленых они сделались почти черными; в растительных коридорах царила зловещая атмосфера.

– Пью...

От паники я опять забыла, как его зовут. Но он, оказывается, не спал.

– Т-с-с-с, моя хорошая, я тут. – Он успокаивал меня.

– Лабиринт меняется... Он стал...плохим...

– Повернись ко мне.

Я не могла двинуться, все смотрела на небо, которое заволокло тучами. И в этом небе теперь носились тени далеких, но определенно хищных существ. Очень большие тени, стремительные.

– Эггерт... Я боюсь...

Он повернул меня сам. Практически уткнул в свою шею носом. Приказал мягко, но твердо:

– Закрой глаза.

– Но...

– Кристина, закрой глаза. Не смотри.

Как не смотреть! Все становится зловещим, меняется стремительно, нужно реагировать, действовать!

Я дернулась, но рука, лежащая на моей макушке, меня

не выпустила. Пью пояснил:

– Лабиринт – отражение состояния твоего сознания. Он формирует то, что ты чувствуешь, – с задержкой, но все-таки. Тебе тревожно, и это меняет пространство, ты чувствуешь, что не защищена – матрица формирует твои страхи на ходу.

– Что... Что делать?

– Расслабься.

– Как можно расслабиться, когда в небе летают ящеры?!

– Они ненастоящие.

– Не верю.

– Дыши. Чувствуй мой запах. Дыши.

Никогда не думала, что пытаться себя в чем-либо разубедить – столь сложная задача.

«Ненастоящие... Ненастоящие... Они ненастоящие..., – мысленно твердила я по кругу. – Это игра, это отражения, матрица, игра...»

– Ты в безопасности, – Эггерт шептал это почти неслышно. – В безопасности, Кристина.

Я не хотела ему верить, я боялась. И я хотела ему верить.

Помогала рука, лежащая на моей голове. Его пальцы перебирали мои волосы, успокаивали.

– Коридоры зловещие...

– В безопасности.

– Листья черные...

– В безопасности.

– Как будто черепа под землей...

– Ты проснешься в следующий раз, и все будет, как раньше.

– Как это работает? Как это все работает?

– Я объясню тебе утром. Сейчас надо успокоиться. Дыши.

И он обнял меня тесно, укрыл собой. Как кокон, как одеяло. Сейчас я не смогла бы посмотреть вокруг, даже если бы захотела. Тесно прижатая к нему, я поняла, что... успокаиваюсь. Бояться бы и дальше почерневших листьев, но я уловила запах его кожи. Впервые позволила себе долгий выдох, медленных вдох. Пью пах тем человеком, которого я так и «не попробовала». Но очень хотела. Вспомнилась машина, такси. Его рука тогда держала мою ладонь, и я чувствовала себя дома – голова на мужском плече.

Тревога все еще терзала, но куда сильнее мое внимание тянул к себе его запах, я тонула в нем. Теплая кожа, почти горячая – я впечаталась в нее носом и почти касалась губами. Мои волосы все так же перебирали чужие пальцы. Он снова сделал со мной это – погрузил в отдельное от внешнего мира пространство. Наше с ним, заветное, непередаваемо трепетно-хрупкое, что-то значащее.

– Спи, моя хорошая.

Надо было суетиться и тревожиться, надо было спросить, не сожрут ли нас, если мы останемся лежать вот так, но я не могла, не хотела выпутываться из состояния «безопасности». Я льнула к тому, с кем рядом лежала, я жалась к нему

доверчивой щекой своей души.

– Вот так...

Он красив невероятно. Спокоен, надежен. Его мужественность щекочет ноздри, аура укутывает в себя.

– Все хорошо...

Я верила ему, я выбирала ему верить.

Плевать на кусты и черные листья, на зловещие проходы – они куда-то отделились.

– Что ты... делаешь со мной?

– Успокаиваю.

«Успокаивай меня всю жизнь».

Я просунула свою руку под неплотную ткань ветровки, обняла Пью, прижалась к нему еще сильнее. У него твердый торс, крепкие мышцы. Погладила его по спине, и, кажется, по нашему на двоих миру прошла почти незаметная дрожь.

Как же с ним хорошо...

Никогда бы не поверила, что смогу, столь тесно к кому-то прижатая, уснуть, но я уснула.

Он держал меня всю ночь. Я просыпалась и засыпала, в какой-то момент перевернулась на спину – луна уже уплыла за пределы видимости. Ушли облака. И снова зелеными были листья изгороди.

Глава 4

(2 WEI – Kill The Crown)

Я не понимала, как смогла целую ночь спать в чьих-то объятиях с таким умиротворением, будто всегда в них спала. Но понимала, что, где бы ни оказалась, нужно выбираться отсюда.

От земли шел пар. Утро; воздух остыл.

Я поднялась, Пью, кажется, еще спал – он лежал на спине с закрытыми глазами, мерно дышал; мое же внимание всецело привлекло небо. Светлое небо, рассветное. Кажется, загляни за изгородь, и увидишь, как поднимается над горизонтом солнце. Впервые над головой не комковатая вата, подсвеченная тусклым фонарем, но чистая, голубая, звенящая высь – у меня перехватило дыхание. Я очутилась в месте, которое показывало мне пример того, что однажды произойдет в будущем – каждое утро я буду вставать спозаранку и любоваться рассветом. Каждое, я буду заводить будильник...

Вверх я смотрела так долго, что стало казаться – существуем лишь я и купол. Бесконечно сильно хотелось увидеть забытый четкий абрис солнца, и я двинулась вперед в надежде, что где-нибудь изгородь станет ниже. Может, прореха, может, «окно-бойница».

Два пролета вперед – та же высота кустов, – и «ок-

на» я не нашла. Зато увидела монстров, кишасших вдалеке. Огромных, больших, похожих на бугристых отвратительных воинов в касках – не людей, странную смесь с животными. Они бродили, пока не замечая меня, сонные, «неспугнутые» – мои шаги заглушил травяной ковер. Я попятилась назад.

– Пью... Эггерт... – Со страха я опять забыла его имя. – Поднимайся, вставай...

У меня сбоило дыхание – мимо «стражи» этого лабиринта не пройти, и нет никакого оружия.

– Поднимайся!

Он пошевелился, зашуршала его куртка. Попросил хриплым голосом:

– Дай мне руку...

И я потянула его, неожиданно тяжелого, на себя.

– Там опять... эти твари. В касках... Их очень много, Эггерт, очень, мы не пройдем...

– Успокойся, Кристина.

Успокойся?! Какой успокойся! Теперь точно нужно было действовать, спешно генерировать план.

– Ты не понимаешь!

– Это ты пока не понимаешь...

– Они... Их десятки!

Эггерт вдруг безошибочно определил мое местоположение по голосу и резко притянул меня к себе. Скомандовал:

– Успокойся, я сказал.

Я попыталась вырваться. Он и раньше меня бесил своей невозмутимостью, но тогда хотя бы верилось в то, что он знает, что делает. Однако как он мог знать? Слепой? И спокойствие было последним, что мне сейчас требовалось. Скорее, закаленный боевой дух, чтобы попытаться прорваться там, где прорваться невозможно. Все равно что отправить себя на верную смерть...

– У них мечи, они порубят нас на куски... Мечи до земли...

– Они этого не сделают.

– Они нас убьют! – Я рвалась из его объятий как кошка, которую он собирался нести стерилизовать. – Убьют! И сожрут!

Оказалось, что у этого мужика не руки, а тиски.

– Да, убьют и сожрут, если ты не перестанешь источать флюиды страха. Знаешь, что удивительно? Умереть в этом месте по-настоящему невозможно, а вот многократно испытать предсмертную агонию – да. Но «враги» еще не сформированы, у нас еще примерно два часа до момента, когда они «оживут».

– Откуда ты знаешь?!

– Я знаю, где мы. И знаю, как это место работает. Ты тоже узнаешь, если сейчас выдохнешь и поймешь, что у нас есть время во всем разобраться. И к концу этого часа уже сгенерируешь совершенно другое пространство.

– Ты врешь...

– Думаешь, я хочу пройти через опыт, когда меня будут рвать зубами на куски? Я заставлю тебя слушать. Заставлю, даже если будет трудно.

У него был стальной тон голоса. От него фонило бетонной уверенностью и мощностью того, кто действительно собирался насильно усадить меня задницей на газон, заткнуть мне рот кляпом, может, даже сунуть в рот специальную расслабляющую таблетку, лишь бы я перестала трепыхаться и начала внимать.

Мне же пока очень сложно давалось даже размеренное дыхание, хоть я старалась – вдох, выдох. Вдох... не торопиться... Выходило судорожно.

– У нас...есть...эти два часа?

– Да.

– Они не придут сюда?

– Пока нет.

(J2 feat. StarGzrLily – Love Lockdown)

Только теперь я почувствовала, что чужие объятия успокаивают. Но не настолько, чтобы мой разум вышел из хаотично мыслящего режима. Я их видела – тех солдат в касках, у них мышцы, как у атлетов...

– Я боюсь, что не смогу, – прошептала обреченно, – не смогу по-настоящему расслабиться, просто не сумею...

Я жаловалась ему теперь не как противнику, но как другу,

по-честному. Одно дело услышать приказ «перестать паниковать», другое – последовать ему.

Пью вдруг приподнял мой подбородок пальцами и поцеловал. Совершенно не робко, довольно напористо... Со сна, как ни странно, он был свеж, будто поднимался за полчаса до этого, умывался, чистил зубы. Мой мозг же встал в совершенный ступор, у меня от неожиданности и резкого возбуждения подкосились колени, стало сложно стоять. Хороший такой поцелуй, совершенно не к месту, но мгновенно снесший все воспоминания о прошедшей назад минуте.

– Помогает? – спросил он тихо, оторвавшись. Я все еще переступала с ноги на ногу, силясь ощутить, держат ли колени.

Спросила-проямлила:

– Помогает... чему?

– Расслабиться.

Меня так резко с темы на тему еще никто не переключал. Вспомнился полутемный коридор его квартиры, и я не сумела теперь понять, как смогла тогда остановиться. Теперь не смогла бы. Хорошо, что я тоже прополоскала рот, как поднялась, – сумбурная мысль, чуть стыдливая. Зато сама не постеснялась бы теперь прильнуть к его губам, чтобы продолжить...

– Ты просто подкатываешь ко мне... В моменты слабости. Так и скажи.

Правда заключалась в том, что, черт его дери, он был

прав – мой разум ощущал себя так, будто его, как скаковую лошадь, затормозили арканом, и у этой самой лошади на скорости проехали по сырой земле все копыта. Как будто меня выдернули с просмотра киноленты ужасов и по щелчку пальца поместили туда, где крутили чувственную эротику.

И эта полуулыбка на красивых губах.

– Подкатываю. Хорошо.

На деле я знала, что это не совсем так, но ответ «нет» меня бы обидел – Пью это понимал. И выбрал безопасный для ситуации.

– Слушать меня готова?

– Да, готова.

Я думала, его руки разожмутся, выпустят меня, но они остались для меня тисками, и это почему-то грело. Как греют жену поглаживания мужа, когда сексуальное действие уже завершено.

– Сумеешь сделать чай? Ты что-то говорила про горелку.

– Даже кофе.

– Чудесно. Сделай наилучший из возможных в этой ситуации.

– Только вода...она последняя.

– Мы найдем еще.

– Как?

– Я научу, как.

И объятия, наконец, разжались – неохотно, как мне показалось.

У меня в рюкзаке действительно имелась компактная газовая горелка, не для чая по утрам, но из необходимости иногда кипятить перед употреблением воду, набранную в сомнительных источниках. И четыре пакетика кофе с молоком – дешевых, но совершенно бесценных, когда ты находишься в некоем лабиринте, где ни одной кофейни за углом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.